

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

Эдельберт ХОЛЛЬ

ВОЛГА ТЕЧЕТ КРОВЬЮ

Эдельберт Холль

Агония Сталинграда.

Волга течет кровью

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4991289

Холль Э. Агония Сталинграда. Волга течет кровью : Яуза, Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9955-0507-5

Аннотация

Здесь горела земля, пылало и рушилось небо, а Волга текла кровью. Здесь решалась судьба Великой Отечественной войны и судьба России. Здесь Красная Армия сломала хребет прежде непобедимому Вермахту.

Решающее сражение Второй Мировой глазами немецкого офицера. Гитлеровские танцergренадеры в огненном и ледяном аду Сталинграда. Мучительная агония 6-й армии Паулюса, истекающей кровью и подыхающей от голода в «котле».

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Эдельберт Холль

Агония Сталинграда.

Волга течет кровью

Глава 1

Битва за устье Царицы *От женской тюрьмы ГПУ до берегов Волги за три дня*

23 сентября 1942 г.

– Лейтенант Холль прибыл из отпуска по ранению! – Я стоял перед батальонным командиром, доктором Циммерманом.

– Господи, Холль, вас мне сам бог послал!

Я с удивлением взглянул в усталое вытянутое лицо моего майора.

– Должен вам сказать, – продолжал он, – в списке потерь последних дней – все ротные командиры. Ваш преемник, обер-лейтенант Менхерт; лейтенант Янке из пятой роты потерял правую руку в атаке на Сталинград-Южный, рубка была еще та, и пока что 8-ю роту принял обер-фельдфебель

Якобс. Теперь у меня есть хотя бы вы и мой адъютант, лейтенант Шюллер.

Этот высокий худой человек – который годился мне в отцы – сидел, согнувшись над котелком, и серьезно смотрел на меня. Пламя свечи отражалось в стеклах очков.

– Мы каждый день ждем пополнений, потому что они отчаянно нужны; наверное, они уже на подходе.

Лейтенант Эдельберт Холль в 1941 г.

8 июля мы оставили зимние позиции у реки Донец рядом с Нырково, чтобы принять участие в летнем наступлении. Атака на Бастион, где в апреле вас ранило, с самого начала стоила нам больших потерь. Лейтенант Ридель из 5-й роты – убит, его сменил лейтенант Янке; лейтенант Мадер из 6-й роты – убит, его сменил лейтенант Кремер. Мы прошли через Ворошиловград в общем направлении на юго-восток к Кавказу. Перейдя Дон, мы шли по калмыцкой степи, все так же на юго-восток. Встретили серьезное сопротивление у Катышевой балки. Когда мы его сломали, пришел приказ развернуться флангом влево и идти на северо-восток к Сталинграду. На южной окраине города нам снова пришлось преодолевать сильное сопротивление. Сейчас мы в самом разгаре уличных боев.

Я огляделся внимательнее. Поскольку города я не знал, батальонный связной встретил меня на исходе дня где-то в южных пригородах. Он провел меня в это трехэтажное каменное здание, проводив на КП батальона по настоящему лабиринту подземных ходов. Это был голый подвал без окон, с запахом сырости и плесени. Мне предстояло узнать, что все предыдущие недели помещение использовалось как женская тюрьма.

Theatre

Krasnoznamenckaya St

GPU Women's
Prison

Штаб II батальона 276-го пехотного полка был расположен в женской тюрьме ГПУ

– Теперь расскажите, что с вами стало после ранения в Нырково.

– Мне хватит нескольких коротких фраз, герр майор. После того как меня прооперировали в Бад-Швальбахе, чтобы вынуть пулю из правого плеча, я получил отпуск для свадьбы. Мы поженились 20 июня. Потом мой отпуск кончился, и мне пришлось доложить о себе в запасном батальоне в Наумбурге-на-Заале. Там я встретил несколько товарищей из нашей дивизии, включая теперешнего командира, герра гауптмана Шольца, моего бывшего командира роты, оберлейтенанта Ферстеру, лейтенанта Малеца и лейтенанта Ширбеля из нашего батальона и нескольких господ из других полков. Герр Малец предложил мне стать инструктором отряда истребителей танков (5 мая 1942-го Холль получил два значка «За подбитый танк противника» – за два танка, подбитых 8 августа 1941 г. из противотанкового ружья. – *Прим. ред.*), но я отклонил его предложение, потому что хотел вернуться к товарищам на фронт. Пока шло мое назначение на должность, у меня получилось еще несколько дней отдыха. 20 августа я снова был в Наумбурге и получил направление в 134-ю пехотную дивизию, развернутую в центральном секторе в районе Орла. Несмотря на теплый прием, оказанный командованием и солдатами, мне было невесело. Они не были мо-

ими старыми товарищами. У себя я знал каждого рядового в батальоне. А здесь я чувствовал себя как рыба, вынутая из воды. То, что я был назначен офицером пехотного прикрытия к командиру XXXXI танкового корпуса, генералу танковых войск Харпе, ничего не меняло. Под предлогом того, что меня беспокоит рана, я попросил генерала Харпе отправить меня домой до выздоровления. Вот командировочное предписание. Дорога в родную часть заняла 8 дней.

Майор ухмыльнулся:

– Так это все было сплошным притворством?

– Так точно, герр майор!

– Переночевать можете здесь, на командном пункте, а завтра принимайте свою старую седьмую роту. Тогда же прибьет лейтенант Шюллер; он направляется в роты на переднем крае, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Шюллер введет вас в курс дела насчет положения на передовой. А как у вас дела дома? Как жена и родители?

– Прекрасно, герр майор. Они, естественно, все были счастливы, особенно когда я быстро оправился от раны – все 8 недель за мной всячески ухаживали.

– Рад за вас, Холль. Кто знает, сколько вам еще придется ждать отпуска. А вот и лейтенант Шюллер.

Я обернулся и увидел располагающее лицо моего друга Иохима Шюллера. Он тоже узнал меня с первого взгляда. Его лицо просветлело.

– Надо же, Альберт, хорошо, что ты вернулся. Ты прямо

из дома?

Мы стиснули друг другу руки, поглядели друг на друга и обнялись.

– Нет, Йохен, я из-под Орла в центральном секторе. Остальное тебе расскажет командир. Как дела на фронте?

Его глаза посерьезнели.

– Сейчас на фронте тихо, но отчаянно нужно пополнение, последние дни были особенно жестоки и к людям, и к лошадям. С начала наступления от Нырково после зимней паузы у нас были значительные потери. Хельмут Ридель убит, Франц Мадер ранен, лошадь Зигфрида Пёнигга наступила на мину, погибли и всадник, и лошадь, и сейчас, перед Сталинградом-Южным, ранен твой преемник в седьмой роте, оберлейтенант Менхерт. Ханс Янке, принявший 5-ю роту после смерти нашего друга Риделя, потерял правую руку. У рядовых – не лучше; многие старые бойцы погибли или ранены. Самое время для пополнений.

Лейтенант Ганс-Иоахим (Йохен) Шюллер, адъютант II батальона 276-го пехотного полка

Я вернулся от встречи с другом к грубой реальности. Всего полгода назад батальон имел хорошо сбалансированную структуру управления – командиром был гауптман доктор Циммерман, адъютант – лейтенант Шюллер, компанифюрер (временный командир роты. – *Прим. ред.*) 5-й роты – лейтенант Ридель, компанифюрер 6-й роты – лейтенант Мадер, компанифюрер 8-й роты – лейтенант Вайнгертнер, доктор Щепански – батальонный врач и оберцальмейстер Кнопп отвечал за снабжение. Мы узнали друг друга во время формирования дивизии, в сентябре 1939 г., на войсковом полигоне в Кенигсбрюке под Дрезденом. А сейчас, всего три года спустя, нас осталось так мало.

– Пошли, ты можешь лечь вот здесь, а завтра с утра я сразу отведу тебя в твою роту.

– Спасибо, Йохен, я устал как собака. – Я лег на шерстяное одеяло, сделал себе «подушку» из походного ранца и попытался заснуть. В полусне я слушал, как наш командир разговаривает с полком по полевому телефону. Снаружи в подвал проникал приглушенный звук разрывов световых бомб, и жужжание «швейной машинки» – так мы называли русские самолеты У-2 (По-2) – говорило о том, что я вернулся в родную часть.

24 сентября 1942 г.

В штаб. LI АК: 06.10 24 сентября 1942 г.

За ночь 23/24.9. тяжелые бомбовые налеты на городской сектор, а также артиллерийский и ракетный обстрел, но никаких боевых действий...

Меня разбудил толчок в плечо: «Герр лейтенант, герр майор просил вас разбудить».

Я прыжком поднялся на ноги. Быстрое «умывание по-кошачьи», форма приведена в порядок – и я стою перед командиром.

– Лейтенант Холль явился по вашему приказанию!

– Спасибо, Холль. Хорошо ли спалось?

– Так точно, герр майор, можно сказать, хорошо.

– Тогда начнем. Посмотрите на карту. Нам приказали продвинуться до Волги по обоим берегам Царицы – вот она, течет в Волгу и впадает в нее в километре отсюда. Противник устроился в развалинах и ведет упорное сопротивление. Мы наступаем в лоб. Вчера в этой точке наши пионеры (саперы. – *Прим. пер.*) на южном фланге противника пытались выкурить его огнеметами, пока не стемнело, – но их отбросили с большими потерями. Ваш сосед справа – на этом берегу Царицы – третий батальон гауптмана Риттнера. Левый сосед – батальон разведки 71-й пехотной дивизии. Граница с левым соседом проходит по этой улице, которая идет более-менее прямо в сторону Волги. Вам отдадут остатки

5-й и 6-й рот, а также 8-ю роту, которой сейчас командует обер-фельдфебель Якобс. Мы позавчера получили пополнение из учебно-запасного батальона, в основном 18–19-летних судетских немцев без фронтовой закалки. Вот-вот должны прибыть офицеры. Мне еще нужно получить точное время начала атаки из штаба полка, но, думаю, это будет 06.00. Вопросы?

– Нет, герр майор. Рад, что здесь гауптман Риттнер, так что не придется беспокоиться о соседе справа.

– Да, Холль, Риттнер на фронте надежен, как скала. За успешное командование батальоном его представили к Рыцарскому кресту.

– Рад за него. На карте Сталинград выглядит лучше. Положение похоже на мой родной город Дуйсбург. Оба лежат на реке, оба вытянуты с севера на юг на 30 километров и с запада на восток на 8–10 километров. Только мой родной город лежит на восточном берегу Рейна, а Сталинград – на западном берегу Волги.

– Ну, вам пора идти. Ваш связной Марек проводит вас на командный пункт. Берегите себя, и удачи.

Я отдал честь и вышел. Обер-ефрейтор Марек уже ждал в прихожей. Я его знал с тех пор, как принял роту. Он был из Верхней Силезии, у него там была небольшая ферма – а сам он был воплощенная надежность. Я был рад снова увидеть его честное лицо.

– Ну, Марек, старая каналья, как дела? – я протянул ему

руку.

– Хорошо, герр лейтенант. Мне пока чертовски везет!

– Был в отпуске?

– Нет, герр лейтенант, последний раз – еще во Франции.

– Тогда это черт знает как давно!

– Ну да, но я не женат, и пришлось несколько раз уступить его женатым товарищам.

– Когда закончится эта заваруха, придет и твоя очередь.

Я прослежу.

На обеих фотографиях: разрушенные дома на Краснознаменной улице, известной у немцев как «Ления»

Пока мы болтали, Марек вывел меня наружу по лабиринту коридоров под бывшей женской тюрьмой. Через улицу, параллельно, почти точно совпадая с линией север – юг, шла линия железной дороги. Мы повернули на восток и пошли в сторону будущего наступления к Волге. Временами слышался автоматный и ружейный огонь. Он доносился слева, из центра города. Над слегка светящимся горизонтом виднелись развалины каменных зданий, молчаливые и мрачные. Промежуток между ними – мешанина обугленных бревен –

еще дымился. Метров через сто Марек ввел меня в подвал частично выгоревшего блокгауза. Я был на командном пункте роты. Он располагался в яме в подвале, перед которым темнели остатки кирпичной стены, с которой можно было наблюдать за противником. Когда я вошел, слабый свет гинденбурговой лампы («парафиновая плошка», или «тепловая свечка». – *Прим. пер.*) позволял лишь слегка различать обстановку. Темная фигура вытянулась и доложила: «Командный пункт 7-й роты. Фельдфебель Гроссман с тремя связными рад снова видеть вас в роте, герр лейтенант».

Я взволнованно взглянул в глаза испытанных друзей. По небритым лицам, черным от сажи, читалось напряжение последних недель. Они были искренне рады видеть меня. Слов не хватало – их заменило рукопожатие.

– Спасибо, Гроссман, вольно. Доброе утро, камераден!

– Доброе утро, герр лейтенант!

– Марек, пока остаешься здесь. Гроссман, покажи мне, где здесь что, у нас приказ атаковать через два часа. Марек, приведи командиров 5, 6 и 8-й рот и скажи, что приказом командира батальона сегодня они подчиняются мне. Ты знаешь, где у них КП?

– Так точно, герр лейтенант, здесь все сидят друг у друга на головах.

Когда Марек рысцой убежал, фельдфебель Гроссман показал мне, где мы находимся, на захваченной карте Сталинграда. Оторвав глаза от карты, я взглянул в озорные глаза

унтер-офицера; у него висел Железный крест первого класса. Мои глаза широко раскрылись от удивления:

– Ничего себе, Павеллек! Юшко, ты – унтер-офицер и у тебя Железный крест первого класса! Как тебе удалось?

За него ответил фельдфебель Гроссман:

– Три дня назад Павеллек с легким минометом вывел из строя батарею «ратш-бумов» (советская 76-мм пушка. – *Прим. ред.*) и был повышен в унтер-офицеры и представлен к Железному кресту первого класса.

– Фантастика! Юшко, ты должен мне об этом рассказать.

– Ну что тут рассказать, герр лейтенант, мы пробивались через южную часть города, и я увидел целую батарею, четыре пушки, которые выкатывали на позицию прямо на перекрестке. Ну, я установил миномет за стеной, одна нога здесь, другая там – и второй выстрел дал прямое попадание, а дальше уже просто домолачивал. 20–30 минут, как дождик – как вы делали под Каневом на Днестре, когда «Иваны» (немецкое прозвище советских солдат. Подобно тому, как немецких солдат называли «фрицами» или британских «томми». – *Прим. ред.*) подошли на 40 метров по пшеничному полю, и вы дали им из легкого миномета отпущение грехов. Я ничего не забыл.

Я вернулся в мыслях в Оберлаузиц и во Францию, где я обучал этих грубых, но честных людей из Верхней Силезии владеть оружием пехоты. Иногда они втихомолку ругали меня, но знали, что я так же требователен к себе, как и к ним.

В конце концов, я показал им все, что было на самом деле нужно. При этом я просто передал им то, что вложили в меня инструкторы рейхсвера. А они были родом в основном из Силезии и Восточной Пруссии.

– И что потом?

– Ну, весь батальон рванулся вперед; из-за моего благоговения сверху «Иван» почти не оказал сопротивления, и мы взяли еще один кусок этого чертова города.

Я обернулся к фельдфебелю Гроссману. Он был в моей седьмой роте с тех пор, как у Канева год назад в августе (1941 г.) первый батальон был полностью обескровлен (в том бою батальон лишился практически всех офицеров. Командир батальона майор фон Хейдбранд унд дер Лаза и его адъютант, лейтенант Вилль, ранены. Командир 1-й роты, обер-лейтенант Ханн, убит шрапнельной пулей в голову; командир 2-й роты, гауптман Бёге, ранен, взят в плен и вскоре погиб; командира 3-й роты, обер-лейтенанта Майнхарта, постигла та же участь. Командир 4-й роты, обер-лейтенант Риттнер, принял командование батальоном до его расформирования. – *Прим. зарубежного издателя*), и остатки распределили между 2-м и 3-м батальонами. Он был родом из Мекленберга и был высок, худощав, белокур и голубоглаз – архетип викинга. Его надежность была невероятной. Выговор у него был северогерманский. В речи отчетливо слышалось острое «с», непохожее на четкое, раскатистое верхнесилезское «р» у остальных.

– Ну-ка, Гроссман, что тут происходило с моего ранения 19 апреля у Нырково? Только, пожалуйста, вкратце.

– Как вы теперь знаете, мы были назначены к атаке на Бастион 8 июля. После вас командиром стал обер-лейтенант Менхерт. Его ранили вскоре после того, как мы дошли до городской черты у Сталинграда-Южного. Это было 10 дней назад. С тех пор ротой командовал я. Лобовая атака на Бастион («Бастион» – господствующая высота 234,6, к северу от Нырково, на которой были советские наблюдательные посты. Необходимым условием наступления немецкой 94-й пехотной дивизии 9 июля 1942 г. был захват «Бастиона». 276-й пехотный полк начал атаку высоты 8 июля и после тяжелого боя захватил и удерживал против мощных советских контратак. Имея контроль над высотой, немцы начали основную атаку по плану. – *Прим. ред.*) у Нырково нам дорого обошлась. Там убили лейтенанта Риделя. Весь Южный фронт кипел, как котел. Для нас все это означало в основном марш – а потом еще марш. Мы с трудом поспевали за моторизованными частями. Через Ворошиловград и Калач, общим направлением на юго-восток в калмыцкую степь, но там дивизию повернули на восток, и мы вломились в Сталинград с юга. Лейтенант Янке, сменивший лейтенанта Риделя в 5-й роте, потерял руку вскоре после того, как мы дошли до черты города; лейтенант Пёнигк наехал на мину под Ворошиловградом и погиб. От старого состава мало кто остался. Теперь, после вашего прибытия, в роте: 1 офицер, 2 фельдфебеля, 2 унтер-офице-

ра и 39 рядовых, всего 44 человека. Фельдфебель Купал тут недалеко, командует взводом. Тремя отделениями командуют унтер-офицер Роттер, обер-ефрейтор Диттнер и обер-ефрейтор Ковальски. Унтер-офицер Павеллек – командир отделения управления и мастер на все руки.

Самодельная дверь распахнулась наружу. Войдя, солдат вытянулся по стойке «смирно»:

– Обер-фельдфебель Якобс явился по вашему приказанию!

– Спасибо, друг мой, рад тебя видеть. – Мы пожали друг другу руки. Только тот, кто сражается в жесточайшем бою, безоговорочно полагаясь на своих товарищей, как мы полагались на обер-фельдфебеля Якобса и его взвод тяжелых минометов, поймет мимолетное, но чистосердечное чувство, проявленное в этом приветствии. То, что в надвигающейся атаке участвуют и эти опытные бойцы, внушало надежду. Гроссман и Якобс выглядели как братья, и Якобс тоже был родом из Северной Германии.

Теперь я ждал появления старого друга Ули Вайнгертнера, который командовал 5-й ротой с ранения лейтенанта Янке. Вайнгертнер пришел к нам из 14-й роты истребителей танков. Он застал молодым добровольцем конец Первой мировой войны. Он был старшим из наших товарищей. У него было время для каждого, он был абсолютно надежен, и все любили его. Было для него место и в моем сердце, несмотря на всю нашу разницу в возрасте. Прошло всего несколько

минут до появления Ули.

– Гутен морген, господа!

Увидев меня, он просиял:

– Господи, Берг, как хорошо снова тебя видеть! Я уже слышал о твоём прибытии и был рад, что в батальон вернулся один из «стариков». – Мы крепко пожали друг другу руки. Можно было почувствовать незримое присутствие павших друзей и тех, кто был ещё жив, когда меня ранили в апреле, и кого уже не было с нами. Безмолвная скорбь легла на нас с этим рукопожатием.

– Ну, мой дорогой Ули, о том, что случилось за эти месяцы, ты можешь рассказать и потом. Пока не пришел лейтенант Фукс, доложи мне о том, что делается на фронте.

– Да, мой добрый друг, в последние дни было чертовски трудно, и они нам дорого обошлись. Русских взял врасплох удар наших танковых и моторизованных частей, которые составили так называемую блокирующую позицию к северу от города, чтобы отбивать атаки с севера, пока следовавшие за ними части не подошли, чтобы взять город. Такая же реакция была, когда мы пробились из калмыцкой степи в южную часть Сталинграда. Лейтенант Янке успел до ранения увидеть город, и я принял у него роту. Самые тяжелые бои шли вокруг элеватора. За другие кирпичные и бетонные здания «Иваны» буквально держались зубами. Это для нас совершенно новый вид боя. Приходится ждать огня из любой дыры или пролома. Эти парни вылезали даже из-под зем-

ли. Они освоились в канализации – неожиданно поднимают крышку, стреляют в тебя сзади, несколько солдат уже мертвы или ранены, и потом исчезают как призраки. Никто ничего не видит. Полная неожиданность. Мы устали и стреляем во все, что движется. Высокую цену нам пришлось заплатить своей кровью!

Я посмотрел на часы. Было 04.45. Скоро нам сообщат, когда начать атаку. Тем временем прибыл лейтенант Фукс. Он командовал 6-й ротой, или, более точно, ее остатками, поскольку, в пересчете на живую силу, мы были не более чем славными командирами взводов. Мы представились друг другу, и я дал ему объяснить точное положение роты на карте (трофейном плане Сталинграда). Соответственно, я поместил свою роту на левый фланг батальона, с привязкой к правому флангу разведывательного батальона 71-й пехотной дивизии, справа от меня была 6-я рота, примыкающая к III батальону по Царице, 5-я рота стояла в резерве за 6-й ротой, а 8-я рота, с четырьмя тяжелыми минометами и четырьмя тяжелыми пулеметами, располагалась за обеими передовыми ротами.

– Господа, нам приказали взять многоэтажное здание, на карте оно находится вот здесь. Видите, оно U-образное и обе ножки направлены на нас. Вы лучше меня знаете, как сильно здесь сопротивление противника, поскольку вчера ваша атака здесь захлебнулась. Мы скоро узнаем от связного, когда начнется атака и получим ли мы поддержку артиллерии или

гаубиц 13-й роты. Поскольку вам недалеко идти в свои роты, я предлагаю подождать связного.

Через дыру в стене мы пытались выглядывать на поле боя, лежащее перед нами. Начинало светать. Над целым районом саваном висел дым догорающих бревен из развалин. Тут и там ветер раздувал пламя. По всей округе странно торчали в небо печные трубы сожженных деревянных домов. Перед нами – метрах в 300 – можно было различить смутный силуэт высотного здания. Было еще недостаточно света, чтобы увидеть его в подробностях. Между ним и нами были лишь руины кирпичных стен, голые трубы и дымящиеся кучи бревен. Нужно было понять, как пересечь этот кусок земли и войти в здание. Центральная часть была сильно разрушена прямыми попаданиями бомб, но пулеметный огонь из обоих боковых крыльев был так плотен, что наши солдаты не могли сделать ни шагу.

– Якобс, ты должен подавить вражеский огонь из боковых крыльев точным огнем всех своих тяжелых пулеметов, особенно там, где «Иван» занимает верхние этажи и может сверху выцеливать наших. Ты должен накрыть наземные цели из своих минометов. Если возможно, мы хотим оставаться в пределах голосового и зрительного контакта. Фукс, вы берете цели на южном фланге, то есть справа отсюда; моя рота возьмет северное, левое, крыло. Там у нас будет очень узкий фронт наступления, и мы сможем сохранять визуальную, а иногда и слуховую связь. Есть вопросы? Нет? Тогда

все ясно, кроме времени начала атаки.

***В штаб 6-й армии:** 12.30 24 сентября 1942 г.*

После расчистки сектора у устья Царицы мы намерены перевести 94-ю ПД в район к северу от Городище, одновременно развернув ее для очистки территории вокруг Орловки.

В постепенно крепнущем свете дня появился мой старый друг Марек.

– Герр лейтенант, приказ командира батальона начать атаку точно в 06.00. Батальон вначале не получит никакой поддержки тяжелым оружием, оно поддерживает другие части.

– Спасибо, Марек, доложи герру майору, что мы атакуем, как приказано. Проследи, чтобы герр майор знал, что нам нужна артиллерийская поддержка – чем раньше, тем лучше.

– Так точно, герр лейтенант! – Марек козырнул, развернулся и убежал.

– Итак, господа, вы все слышали, что артиллерийской поддержки у нас не будет. Надеюсь, нам повезет, и желаю, чтобы повезло всем. Сверим часы: на моих 05.25. Герр Фукс, обе наших роты наступают вместе в 06.00. Двигаемся как можно тише, чтобы выдвинуться на участок перед домом, не встретить противника. А дальше действуем по ситуации. Ули, со своей ротой остаешься здесь, держи связь со мной и жди приказа.

Пожав руки товарищам, я остался один с группой управ-

ления и фельдфебелем Гроссманом.

– Гроссман, оставайся на левой стороне роты, вдоль улицы. Посмотри на карте – она идет мимо левого фланга цели атаки. И скажи своим людям, чтобы они были осторожны. С нашей теперешней численностью каждая потеря стоит вдвое больше.

– Так точно, герр лейтенант, три дня назад мы, на счастье, получили 20 человек пополнения из запасного батальона. Это 18–19-летние судетские немцы. Никакого боевого опыта, обучены второпях, боевую гранату не метали ни разу. Я их уже распределил по остаткам роты и вверил их в старые опытные руки.

– То есть каждый второй не имеет боевого опыта. Как это ободряет!

– Скоро он у них будет, герр лейтенант. В целом они неплохо смотрятся.

– Верю, Гроссман, но, не имея боевого опыта, быть брошенным в такую сложную ситуацию – это для них, пожалуй, слишком. Нам с ними нужно быть особо осторожными, чтобы они не попали в мясорубку. Да, все это относится к тому, когда им выступать. Но, как я и говорил, ты остаешься на левой стороне улицы, так что я знаю, где вы будете и где вас найти. Берегите себя.

– Спасибо, герр лейтенант!

Было еще 15 минут до того, как мои товарищи начнут выдвижение. Унтер-офицер Павеллек, обер-ефрейтор Неметц

и обер-ефрейтор Вильман стояли рядом. Я сам обучал этих солдат после Французской кампании, когда дивизия полгода стояла в Оберлаузице и вокруг Циттау. Не было легкого пехотного оружия, которым бы они с блеском ни владели, и они были опытными связными. Последний год на фронте спаял нас, и каждый знал, что может положиться на остальных.

– Юшко!

– Герр лейтенант?

– У нас еще осталось наше особое оружие?

– Точно так, герр лейтенант, все в тылу в обозе, нужно подождать, пока доставят.

– Хорошо, подумай об этом, когда вечером с полевой кухни придет гауптфельдфебель Михель. Кстати, как он?

– Хорошо, герр лейтенант, надежен, как всегда. Когда никто другой не может найти свою роту, Михель всегда тут как тут.

Я был бы более счастлив, имей я свой арсенал прямо сейчас. «Особое» включало связки зарядов от гранат-колотушек, русский автомат, русское противотанковое ружье и соответствующие боеприпасы. После первых действий в России мы поняли, что русские пистолеты-пулеметы и противотанковые ружья более грубы, чем наши. Наши были хороши, но отказывали, попав в грязь. Вскоре я стал возить с собой патроны к трофейному оружию – на всякий случай, – и несколько раз онигодились.

Еще две минуты, и начинаем. Я взглянул на небо. На нем

не было ни облачка, не считая дыма от пожаров вокруг нас. Горизонт на востоке посветлел. С каждой минутой очертания зданий перед нами – точнее, их развалин – становились все четче. Цель нашей атаки также четче выделялась на фоне других. Временами справа и слева доносился автоматный и ружейный огонь. Раздалось несколько выстрелов из вражеских пушек с восточного берега Волги, их снаряды разорвались в стороне от нас. День обещал быть жарким. Мои часы показывали, что наши люди уже вышли. Противник еще ничего не заметил, в нашем секторе не было ни выстрела. Хоть бы мы смогли подобраться к зданию незамеченными! Все мое внимание было отдано фронту атаки. Вдруг тишину в нашем секторе разорвал огонь русского пулемета. Был слышен ружейный огонь, за которым вскоре раздалась стрельба наших пулеметов. Теперь здесь развивался оживленный бой. Тем временем 8-я рота открыла огонь из тяжелых пулеметов. Тут и там жужжали рикошетные пули. Как-то неожиданно рассвело. Через бинокль я мог со всей четкостью различить назначенную цель атаки. Это было шестиэтажное здание красного кирпича, общей шириной метров 80. С каждой внешней стороны отходили боковые крылья, каждое в длину около 20 метров. Все строение выглядело перевернутой квадратной буквой «U». Центральной части сильно досталось от Люфтваффе и артиллерии. Через проломы на месте окон были видны груды щебня. В этой части здания противника не было видно. Однако из обоих боковых крыльев

шел оборонительный огонь. «Иван» был замечен на верхних этажах. Оттуда он контролировал всю территорию перед домом. За 150 метров до цели наша атака остановилась. Отделения укрылись и вели ответный огонь. На командном пункте появились связные от фельдфебеля Гроссмана и лейтенанта Фукса и сообщили то, что я и так знал. Я передал им указания залечь и ждать других указаний.

– Вильман!

– Герр лейтенант?

– Сообщи в батальон: «Атака в 06.00. Прошли 150 метров и залегли под огнем. Противник господствует над полем боя пулеметным огнем с возвышенной позиции. Не можем двигаться вперед без огневой поддержки из тяжелого оружия. Срочно требуется поддержка!» Написал?

– Так точно, герр лейтенант!

Я подписал донесение, и Вильман убежал. Солнце уже поднялось, и становилось теплее. Я послал обер-ефрейтора Неметца за лейтенантом Вайнгертнером и обер-фельдфебелем Якобсом. Вскоре оба были передо мной. Часы показывали уже 09.00. Когда ты бодр, в состоянии духа, позволяющем молниеносно реагировать и принимать решения, как-то забываешь о времени. Я обсудил ситуацию с обоими товарищами. Слава богу, потерь не было.

– Ули, тебе все понятно?

– Так точно, Берт.

– Якобс, твои минометы не достанут до «Иванов» в кры-

льях дома, но их можно попытаться выкурить тяжелыми пулеметами.

– Герр лейтенант, мы точно определили, где находятся русские пулеметные гнезда, но эти парни очень проворные. У них есть запасные позиции, они нерегулярно стреляют оттуда и отсюда, потом прекращают огонь. Моим ребятам приходится быть начеку.

– Да, я это видел и доложил в батальон, более того – запросил немедленную огневую поддержку. С нашей сравнительно малой численностью мы должны избегать ненужных потерь. Я считаю так: мы не двигаемся вперед, пока не вычистим эти гнезда сопротивления. У соседа слева тоже не видно активности. Их сектор также прочесывается пулеметным и ружейным огнем из левого крыла здания. По звуку боя, они где-то за нами слева. Якобс, возвращайся к роте и не давай им высунуться. Ули, оставайся с унтер-офицером Павеллеком и подмени меня. Неметц, ты идешь со мной. Хочу нанести визит левому соседу и понять, где мы там находимся.

– Ладно, Берт. Возвращайся целым.

Я двинулся в тыл, перебегая от укрытия к укрытию. Я старался, чтобы меня не обнаружил противник или заметил лишь мимоходом. Через 100 метров – быстрый рывок через улицу, пересек линию разграничения с левым соседом. Мне пришлось несколько раз спрашивать, где находится командный пункт, пока я его не нашел. Солнце тем временем уже пекло вовсю, и я истекал потом. Я доложил командиру

171-го разведбатальона и представился как его правый сосед:

– Лейтенант Холль, компанифюрер 7-й роты 276-го пехотного полка.

– Фон Хольти.

– Герр подполковник, я бы хотел уточнить, как далеко вам удалось продвинуться. Нам нужно взять многоэтажный дом, чьи верхние этажи видно отсюда. Наша атака завязла в 150 метрах от здания, попав под пулеметный и ружейный огонь с верхних этажей и обоих крыльев. Мы не можем двигаться ни вперед, ни назад, не неся тяжелых потерь. Я запросил огневую поддержку у своего батальона, но до сих пор оттуда нет вестей. Ваши люди лежат за нами. Я бы хотел знать, почему ваши части отстают.

Подтянутый, приятного вида подполковник – чей адъютант также выглядел с иголки – ответил довольно покровительственно:

– Да, мой добрый друг, мы продвинулись не столь далеко, как надеялись. Мы также ждем огневой поддержки. Надеюсь, после обеда у нас будет два «штурмгешютце» (САУ, самоходка. – *Прим. пер.*). Пока они не придут, я вряд ли смогу продвинуться, поскольку мои люди на правом фланге не поднимают головы от земли из-за чертова пулеметного огня с вашей полосы атаки.

– Когда герр оберстлейтенант ждет пушки?

– Через час-другой.

– То есть между 14.00 и 15.00.

– Точно, мой добрый друг, вы можете прийти сюда еще раз.

– Если положение к тому времени не изменится, я приду. – Я отдал честь и пошел обратно со своим связным. Интуитивно мы держались поближе к остаткам стен и ныряли в укрытие, как только звук пушечного выстрела и приближающийся звук снаряда говорили о том, что разрыв сейчас будет где-то рядом. Когда я смог оглядеть себя, я был покрыт грязью и мокр от пота – я понял напыщенные манеры господина из другого рода войск. Они не были настроены на оскорбление, а мы не обижались – мы были пехота, «кузнечики», как некоторые нас называли. Пехота в этой бесконечной стране проходила пешком тысячи километров, а им нужно было прочно вцепиться в землю. Они не могли при случае быстро собраться и отправиться в следующую атаку. В этих частях на конной тяге все делалось с неторопливостью пешехода. Как бы то ни было, их отношение меня не задевало.

Когда я вернулся на командный пункт, я рассказал Ули о ситуации с соседом слева. С батальонного КП вернулся обер-ефрейтор Вильман. Майор Циммерман старался добыть нам поддержку тяжелым оружием. 3-й батальон гауптмана Риттнера, действовавший на другом берегу Царицы, тоже пострадал от пулеметного огня из южного крыла здания и не мог продвигаться дальше. Унтер-офицер Павеллек передал мне ломтик хлеба и чашку холодного кофе. Я проглотил все в

один присест. Я не мог не думать о самоходных пушках. Лишь с их помощью мы можем атаковать и взять здание. А даст ли их в наше распоряжение оберстлейтенант фон Хольти? Что бы ни случилось, я собирался через час еще раз навестить его. Появился обер-фельдфебель Якобс, желающий узнать, что с нашим левым соседом. Лейтенант Фукс со своими солдатами застрял перед зданием, там же был фельдфебель Гроссман. Лишь удар самоходными пушками напролом или приход темноты мог вывести их из затруднительного положения. Солнце безжалостно светило на город. Воздух дрожал, повсюду стоял сладкий запах разложения. Казалось, в нашем секторе все было мертво. С тыла я мог невооруженным глазом различить нескольких товарищей. Они нашли тень, чтобы укрыться, и почти не двигались. Вокруг тяжело разливалось напряжение.

На моем КП появился адъютант командира батальона лейтенант Шюллер, с ним был связной, обер-ефрейтор Марек.

– Ну, Берг, как дела на фронте? Командир приказал мне лично оценить ситуацию.

– Что ж, Йохен, со времени моего последнего рапорта батальон ничего не изменилось. Наши солдаты влезли в мышеловку. К счастью, сейчас у меня в потерях лишь один легкораненый. Без поддержки артиллерии мы до темноты не продвинемся ни на шаг. А сможем ли мы действовать в темноте – это еще вопрос.

– Могу сказать от имени командира, что, по его мнению, сегодня мы не можем рассчитывать на огневую поддержку чем бы то ни было. Дивизия собрала все имеющиеся стволы на правом фланге, должна участвовать даже наша 13-я рота. Они там намерены пробиться до Волги – чего бы это ни стоило – и уничтожить противника. Тот бой слышен и отсюда.

Я, конечно, заметил, что самые громкие звуки доносились справа от нас. Получалось, что оба противника собрали все пушки в одном и том же месте. Также большое оживление царило слева от нас, у центра города. Звуки оттуда шли с большего расстояния, чем наш «концерт», звучащий буквально по соседству. Здесь играли пара паршивых пулеметов врага и автоматы, а также несколько винтовок. Их стрельба не была особенно громкой, так что, когда они попадали, это наносило больший урон. В такой критической ситуации у солдата на фронте для различения противника, лежащего прямо напротив, есть только глаза и уши. Лейтенант Шюллер, наблюдая в бинокль поле боя, обернулся ко мне с тревогой в голосе:

– Берт, мне не нравится состояние командира, он совсем желтый и выглядит и действует апатично. Боюсь, у него желтуха.

– Черт, только этого нам и не хватало: потерять папу Циммермана! Надеюсь, все не так плохо. Если получится, вечером зайду на командный пункт. Доложи герру майору, что я ходил проведать соседа слева, Ауфклерунг-абтайлунг-171.

Там ждут два «штурмгешютце». Увидим, насколько это нам поможет. Пока, Йохен, береги себя.

По моему сигналу обер-ефрейтор Неметц встрепнулся и пошел за мной. Дорога к левому соседу была уже знакома. Перебегая широкую асфальтированную улицу, служившую линией разграничения, я услышал низкое рычание двух моторов и лязг гусениц о твердый грунт. Радостные, мы побежали ближе к источнику звука, звучавшего в наших ушах, как музыка. Это наши товарищи! Я увидел их на соседней улице. Старательно прикрывая друг друга, в нашу сторону ехали два штурмовых орудия. Я помахал им руками. Первая машина – выглядевшая настоящим исполином – остановилась. Из командирского люка высунулась голова. Я увидел копну белокурых волос и два ярких глаза, вопросительно смотревших на меня.

– Лейтенант Холль, компанифюрер семь-двести семьдесят шесть.

– Лейтенант Хемпель.

– Герр Хемпель, вы должны нам помочь! Вы не сойдете вниз на минутку?

В два рывка белокурый лейтенант оказался передо мной. Он был на полголовы выше меня.

– Где пожар?

– Мы тут маемся уже добрых восемь часов. Не можем двинуться вперед. С этого высотного дома, верх которого виден через вон тот пролом, русские пулеметы господствуют над

всей округой. Вас вызвали, чтобы облегчить участь разведбата-171.

– Да, правильно, мне нужно доложить оберстлейтенанту фон Хольти – я ищу его командный пункт.

– Герр Хемпель, вам это не понадобится, если обе ваших машины пойдут за мной и помогут взять этот чертов дом и уничтожить противника. Когда этот кошмар закончится, вы сможете доложить о себе в батальоне, но думаю, тогда вы им на сегодня уже не понадобится.

Мои слова, кажется, убедили лейтенанта.

– Ладно, герр Холль, я вам помогу. Что вы предлагаете?

– Если вы пройдете за мной до следующего перекрестка, нам надо будет повернуть налево по этой асфальтированной улице. Вы видите тот дом впереди в 400 метрах по правой стороне улицы? Я с тремя солдатами пойду за вашим оружием, четверо остальных пойдут за вторым. Подавите врага в левом крыле и стреляйте во все, что увидите; второе оружие будет делать то же самое с правым крылом. Все нужно делать так быстро, чтобы противник не смог понять, что в него попало. В случае любой неожиданности мы прикроем вас с тыла.

– Ладно, договорились. Когда вы двинетесь, я первым делом дохожу до следующего перекрестка. А пока я дам указания второму оружию.

– Неметц, ты слышал наш план. Быстро беги на командный пункт. Павеллек и Вильман пойдут с тобой за первым

орудием. Я тоже там пойду. Обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами из своей роты пойдет за вторым орудием. Скажи Якобсу, что мы штурмуем левое крыло, а он берет на себя правое. Ты все понял?

Уже на бегу он прокричал:

– Так точно, герр лейтенант!

– Герр Хемпель, моему связному понадобится 15–20 минут, чтобы добраться до моих солдат, а им – пробраться незамеченными к нам. Я собираюсь подойти к перекрестку как можно ближе, но чтобы меня не видели те, кто засел в доме. Медленно следуйте за мной и по моему сигналу вставляйте. Когда я несколько раз сожму руку, это сигнал «вперед» – и без остановки двигайтесь к цели.

– Все ясно, герр Холль. Удачи!

Сцена разрушений: поле боя, на котором 24 сентября 1942 г. дрались Холль и его люди

Штаб LI армейского корпуса: 16.45 24 сентября 1942 г.

В 07.00 LI АК начал атаку на вражеский плацдарм по обоим берегам Царицы...

В частности:

В тяжелых боях за каждый дом 267-й ПП подошел к Царице на 300 метров. Оборона по району устья Царицы, району железной дороги на юго-запад от него и по северной части острова на Волге (остров Голодный. – Прим. пер.).

71-я ПД атаковала после тщательной подготовки

VIII авиакорпусом. В городском секторе к северу от устья Царицы – состоящем в основном из кирпичных зданий и многочисленных многоэтажных сооружений – сопротивление противника заметно сильнее, чем в других районах города. За каждое здание и фабричный корпус приходится вести самые упорные бои.

Я осторожно пробирался вперед, используя любое укрытие по дороге. «Иван» не должен ничего заметить. Оба штурмовых орудия медленно двигались за мной. Когда я добрался до перекрестка, то дал оговоренный сигнал остановки. В бинокль я видел, как Павеллек и Вильман ползут вдоль улицы. Теперь им будет очень просто присоединиться ко мне, когда я пройду мимо них, двигаясь за первым «штурмгешютце». Я также видел, что обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами уже на месте и с ними мой связной. Они дошли до Павеллека и ждали нашего появления. Я еще раз осмотрел широкую и прямую улицу. Вдоль правой стороны стояли деревянные столбы, с которых свисали электрические провода, некоторые были повалены и лежали на земле. К ним все еще были присоединены провода. Приходилось следить за тем, чтобы не увязнуть в них. Я стиснул правый кулак и несколько раз ткнул им вперед. Оба орудия медленно покатали вперед. Командиры были внутри, опустив крышки люков. Когда орудие лейтенанта Хемпеля выкатилось на середину перекрестка, оно развернулось на юг, и я прыгнул за него. Я

бежал трусцой за орудием, так что у меня было укрытие от русских и я мог отдать приказ своим людям, когда мы с ними поравняемся. Громовой раскат бросил меня на колени. Оружие лейтенанта Хемпеля обнаружило цель и сделало первый выстрел. Второй выстрел последовал сразу же после первого. Второе оружие тоже начало обстрел цели, правого крыла здания. После неожиданного первого я уже спокойнее воспринимал оглушительные выстрелы обоих орудий. Никогда раньше я не стоял так близко к ним. Но они оказывали моим товарищам столь нужную помощь. Мы миновали Якобса, Павеллека и их бойцов. Согласно моему приказу, отданному через Неметца, они присоединились к нам. Теперь за каждым оружием шло четыре пехотинца. Я прокричал Неметцу:

– Неметц, беги к лейтенанту Вайнгертнеру! Когда мы дойдем до здания, он должен подняться в атаку во всю ширину сектора. Оставайся с ним, пока тоже не подойдете к зданию.

– Так точно, герр лейтенант, вас понял!

Все происходило просто молниеносно, мы бегом двигались за ведущими огонь орудиями. Из здания больше не велся огонь, из-за которого весь день нам было так тяжело. Мы подошли к дому, уворачиваясь от проводов, которые натягивали движущиеся машины. До входа на левой стороне здания оставалось еще 30 метров. Правый вход лежал в ста метрах дальше.

– Якобс, нам нужен скоординированный удар. Я возьму левый вход, ты берешь правый. Понятно?

– Ясно!

«Штурмгешютце» встали, их оружия были готовы стрелять по обоим крыльям здания.

– Гранаты готовы? Все готовы? Пошли!

Мы как можно быстрее побежали вперед. Несясь вперед, я видел, что все были на ногах и бежали к дому. Мы добежали до входа. Наверху ничего не было слышно. Деревянная лестница вела вниз в подвал. Шум доносился оттуда. «Павеллек, прикрой меня сверху с Вильманом. Пойду посмотрю, что там».

Я держал готовую к броску гранату и в два прыжка спустился до самого низа. Через открытую дверь проходил слабый дневной свет. Я подождал, пока глаза привыкнут к слабому освещению в ближней ко входу комнате. Из полуоткрытой двери шел слабый свет. Я пнул дверь, готовый бросить гранату и схватиться за автомат. Комната была набита людьми. Женщины с детьми на руках, старики, старухи, мальчишки и девочки – все со страхом смерти смотрели на меня; все плакали и кричали в замешательстве.

Как можно громче я заорал в комнату «Тихо!». Суматоха моментально прекратилась, все глаза обратились ко мне.

– Кто-нибудь говорит по-немецки?

Короткое перешептывание, и через толпу ко мне протиснулся старик и сказал:

– Я немного понимаю по-немецки.

– Тогда скажите всем своим людям, что им нечего боять-

ся. Мы не воюем с женщинами, детьми и стариками.

Он перевел сказанное на русский.

Я продолжил:

– Все солдаты, прячущиеся здесь, должны выйти ко мне по одному и сложить оружие. С вами ничего не случится! Остальные будут оставаться в подвале и ждать дальнейших указаний.

Когда старик перевел, из дальнего угла вышли семь солдат. Их вывели наверх и разоружили. Тем временем в подвал спустился и Павеллек. Будучи родом из Силезии, он говорил по-польски и мог сказать этим людям, чего я от них хотел. Я чувствовал, какое облегчение испытали эти жалкие создания, когда они поняли, что германские солдаты ведут себя не так, как говорит их пропаганда. Павеллек сказал старику, что он отвечает за поддержание порядка. Когда мы вернулись на первый этаж, я видел, что всего мы захватили семнадцать русских. Около двадцати отступили к соседнему зданию. Фельдфебель Гроссман и лейтенант Фукс мгновенно заняли сторону здания, обращенную на восток. К нашему облегчению, у нас было всего трое раненых и ни одного убитого.

Было почти 17.00. Оба «штурмгешютце» ждали в засаде и несли дозор в направлении неприятеля. Тем временем мимо нас двинулся сосед слева. В нашем секторе не было слышно почти никакого шума боя. Я пошел к нашим чудесным спасителям:

– Герр Хемпель, от имени моих людей я хотел бы выразить вам самую сердечную благодарность за вашу превосходную поддержку. Сами видите, какое чудо совершило ваше вмешательство.

– Герр Холль, мы лишь исполнили свой долг, как вы и ваши люди.

– Ну, вы прекрасно справились. Но как насчет завтрашнего дня? Двигаться вперед с вашей помощью нам будет легче.

– Вы абсолютно правы. Я доложу о вас командиру и попробую узнать, получится ли завтра вам помочь. Если командир будет согласен, я не смогу быть у вас раньше девяти ноль-ноль.

– Ничего – главное, что вы вообще придете. Мне доложить вашему командиру, как вы с вашими солдатами помогли нам?

– Не нужно. Командир знает, что мы выполняли свой долг.

– Ну, тогда, надеюсь, до завтра. Всего хорошего!

– Спасибо, вам также!

Завелись моторы, и оба орудия медленно поползли в тыл. Надеюсь, завтра мы их увидим.

Я вернулся в дом и обратился к Вайнгертнеру, который вместе с Павеллеком допрашивал русских пленных:

– Ну, Ули, что говорят наши пленные?

– Не много, они меня с трудом понимают. Они обороняют здание с примерно 40 солдатами. Ими командовал лей-

тенант. Когда орудия стали стрелять, лейтенант и половина личного состава отступили.

– Тогда ночью надо быть особенно внимательными. Немец, ты уже знаешь нашего левого соседа. Возьми троих – кого назначит фельдфебель Гроссман, – и отведите пленных туда. Мне не с кем их оставить. Скажи оберстлейтенанту, что нам нужен каждый солдат.

Ули был доволен:

– Фантастика, Берт, все прошло как по маслу! Не думал, что сегодня мы сдвинемся хоть на метр. Когда ты появился с двумя самоходками – все стало просто, как на учениях.

– Да, Ули, но с одной разницей: у нас не было возможности начать пораньше или отретпетировать. Надеюсь, лейтенант Хемпель завтра придет. Сразу за домом – перекресток, и не знаю, заметил ли ты: чем ближе к Волге, тем крупнее здания; деревянных домов больше не видно. Это означает, что придется быть еще осторожнее, враг может быть за каждым углом, в каждом подвале или на верхнем этаже. Проверь, чтобы на переднем крае все было в порядке и чтобы не было никаких неожиданностей. Унтер-офицер Павеллек в твоём распоряжении. Я иду с Вильманом на КП батальона, доложить майору.

– Понял, удачи.

Штаб LI армейского корпуса: 19.45 24 сентября 1942 г.
В Сталинграде после тяжелых боев за каждый дом вой-

ска, наступающие с целью очистки сектора у устья реки Царицы, смогли закрепиться на захваченных позициях. Занята половина намеченной территории. Район к югу от Царицы в основном наш. Командование корпуса надеется, что, несмотря на крайнюю истощенность рот, к завтрашнему дню очистка территории будет закончена.

Возвращаясь с Вильманом на командный пункт батальона, я посмотрел на часы. Было семнадцать ноль-ноль. Я шел по тому месту, где днем шел бой (внимательно смотря по сторонам – никогда не знаешь, откуда появится «Иван»), где часами лежали мои товарищи. Было пусто – только трупы, которые уже начали разлагаться, одиноко торчащие печи и посуда, лежащая рядом с ними. Повсюду громоздилось дымящееся дерево. Такой уровень разрушения был возможен только в результате бомбежек. Артиллерия такого не делает. Было еще светло, когда я дошел до КП, он был все там же, в женской тюрьме ГПУ. Я нашел командира, майора Циммермана, там же, где я его видел днем раньше. Я почувствовал, что никуда не уходил из части и что даже не вернулся после полных суток на переднем крае. Увидев майора, я встревожился. Он выглядел точно так, как утром сказал лейтенант Шюллер. Лицо командира было желтое, как айва, он выглядел вялым, и его явно лихорадило. Я отдал честь:

– Хотел бы сообщить, что при поддержке двух самоходных орудий мы достигли назначенной цели. Задание выпол-

нено!

Он выдавил из себя улыбку, я заметил, что ему трудно разговаривать.

– Спасибо, Холль. Докладывайте.

Я рассказал о том, что произошло за день. Он внимательно слушал.

– Шюллер, вернувшись с вашего КП, уже сообщил о том, насколько тяжело ваше положение. Несколько раз здесь появлялись связные. Мы перепробовали все, чтобы добиться для вас поддержки, но ваши запросы постоянно отклонялись. К югу от нас в окружении засели русские, упираясь в берег Волги, и сегодня их нужно было уничтожить. Надеюсь, это уже произошло и тяжелое оружие завтра снова будет в нашем распоряжении.

– Я тоже на это надеюсь, герр майор. Завтра нам еще будут нужны оба штурмовых орудия. В уличных боях нет ничего эффективнее. лейтенант Хемпель постарается завтра быть здесь. Для нас жизненно важно, чтобы в полку или дивизии понимали важность этой поддержки.

– Сделаю, что смогу, Холль.

– Спасибо, герр майор!

– Да, Холль, меня сильно приложило, если вы заметили. Вдобавок к лихорадке чувствую себя вымотанным до предела. По указаниям врача вечером я должен ненадолго оставить батальон. Меня заменит майор профессор доктор Вайгерт (немцы очень щепетильны в вопросе ученых степеней

и часто упоминают их приставкой к фамилии. – *Прим. пер.*). Вы с ним уже познакомились при формировании дивизии в Кенигсбрюке. Он сейчас в офицерском резерве и, надеюсь, появится не один.

– Нам они точно не помешают, герр майор. Вы позволите поговорить с лейтенантом Шюллером?

– Да, давайте.

Я вышел в смежную комнату, столь же скудно освещенную. Здесь располагался батальонный штаб. Лейтенант Шюллер составлял ежедневный рапорт в полк. Солдат пытался связаться с кем-то по полевому телефону. В комнате было не больше оживления, чем в любой гражданской конторе, – вот только выглядело все совершенно по-другому.

Я поприветствовал фельдфебеля Рупрехта, долгие годы бывшего душой штаба, и других товарищей, которых я не видел с прошлой ночи. Наши дружеские приветствия были искренни. Мы все знали, через что прошел каждый из нас.

– Йохен, добудь мне что-нибудь перекусить, умираю с голоду. – Желудок громко заявлял о своих правах. Я совсем о нем забыл.

– Как только, так сразу, Берт! Мы пытаемся связаться с полком, чтобы командир смог заказать на завтра штурмовые орудия. Пока что линия не работает.

«Катушечник», как у нас непочтительно звали связистов, доложил адъютанту, что связь с полком установлена. Лейтенант взял трубку: «Говорит командный пункт второго ба-

тальяна. Обер-лейтенанта Крелля, пожалуйста». Я слушал с удивлением. Мой старый друг Руди Крелль снова в полку?!

Этот старый силезец был дивизионным «О-два» (первым помощником начальника генерал-адъютантской службы. — *Прим. пер.*). Я собирался спросить Йохена, когда Крелль вернулся в полк.

Снова заговорил лейтенант Шюллер:

— Добрый вечер, герр обер-лейтенант, есть ли рядом с вами герр оберстлейтенант Мюллер? С ним хотел бы поговорить майор доктор Циммерман. Как там у вас? Сейчас лучше, чего нельзя было сказать еще пару часов назад. Но вот-вот появится связной с дневным донесением. Подождите минутку, тут кое-кто хочет с вами поговорить.

Шюллер правильно понял мою жестикуляцию и передал мне трубку.

— Приветствую, дорогой Руди!

Короткое молчание на том конце линии, и радостный голос ответил:

— Ух ты, Берт! Мы вчера слышали, что ты вернулся. Я уже кое-что рассказал о тебе оберстлейтенанту Мюллеру. С нашей нехваткой офицеров, выросшей в последние дни, мы рады каждому новоприбывшему, особенно если это старые испытанные товарищи.

— Давно ли в полку оберстлейтенант Мюллер?

— Недели две. Оберст Гроссе и его адъютант, обер-лейтенант Кельц, убыли в отпуск. Оберстлейтенанта Мюллера

прислали на замену из офицерского резерва, а меня назначили адъютантом, раз уж я из этого полка.

– Кто еще с тобой?

– Обер-лейтенант Полит и лейтенант доктор Хоффман.

– Я их обоих знаю. Руди, давай пока прервемся – наши командиры хотят поговорить. Береги себя, скоро увидимся.

Трубку передали командиру. Унтер-офицер Йерш, который тоже был в батальоне с самого формирования, принес мне кофе и сандвич.

– Спасибо, Йерш, век не забуду. – Я с удовольствием разделался с сандвичем. Теплый кофе был хорош. Я обернулся к своему связному: – Неметц, ты уже поел?

– Так точно, герр лейтенант, обо мне уже позаботились. Вот фельдфебель выкатит свою «гуляш-пушку» на передний край, и у нас будет горячее.

Ладно, увидимся с нашим старым шписом, гауптфельдфебелем Михелем, двумя его поварами и водителем позже. Меня пять месяцев не было в роте, и мне было интересно, те ли это люди, кого я знал. Я спросил Неметца. «Все старики остались в обозе, герр лейтенант, даже ваш конь Мумпиц». Мой старый четвероногий друг Мумпиц все еще жив, чудесно! Может быть, я скоро проеду на нем. Интересно, узнает ли он меня? Мы были друзьями, я и этот маленький плотный мерин из бывшей чехословацкой армии. Имя ему подходило («пустяк» или «вздор») – он сбросил с себя многих. Но мы друг другу нравились и понимали друг друга.

Меня не было на КП уже два часа. Пора было возвращаться на передний край. Лейтенант Шюллер, бывший с командиром, вернулся в комнату:

– Берт, герр майор хочет еще раз с тобой поговорить.

Я вышел в соседнюю комнату и доложил о себе.

– А, вот и вы, Холль! Я поговорил с командиром полка. Он сделает все возможное, чтобы оба штурмовых орудия завтра были у нас. Противник, окруженный справа от нас, сжат до предела, так что он убежден, что артиллерию завтра развернут в нашем секторе. Сообщите солдатам, чтобы не было неожиданностей.

– Так точно, герр майор. Поскольку противник, возможно, не ответит, что-нибудь достанется и нам.

– Надеюсь. А сейчас возвращайтесь в часть. Завтра меня заменят. Дорогой Холль, желаю вам всего наилучшего, и да будет с вами бог. – Он смотрел на меня серьезно, протягивая руку на прощание. Я вытянулся, ответил на рукопожатие и вынужден был несколько раз сглотнуть, перед тем как ответил:

– Я тоже желаю вам всего наилучшего, герр майор, быстрого выздоровления и дальнейшего здоровья. – Отдаю честь, разворачиваюсь кругом и выхожу. Увижу ли я еще этого человека, которого я почитал и уважал? При всей своей строгости, он заменял нам отца. Но раздумья мои были недолгими. Этой ночью командиром должен был стать майор профессор доктор Вайгерт, которого мы знали как «папа Вайгерт».

Он был типичным университетским профессором. Первую войну он служил капитаном, после этого преподавал в университете Бреслау и был признанным авторитетом в истории германского искусства. Как и его предшественнику, ему было 45 лет, но характерами они были непохожи. Майор доктор Циммерман отдавал приказы кратко, по-военному; майор профессор доктор Вайгерт также мог отдавать приказы, но разговаривал он так, словно обращался к студентам. Солдаты и офицеры ценили и уважали обоих.

Оберстлейтенант (подполковник) барон Артур фон Хольти, командир 171-го разведывательного батальона

Я попрощался с другом, лейтенантом Шюллером, и другими штабными работниками и отправился на передовую со своим связным Вильманом. Вскоре глаза привыкли к темноте. Тут и там в ночное небо поднимались сигнальные ракеты. Они показывали, где примерно находилась линия фронта. «Швейные машинки» «Ивана» жужжали над головой, бросая легкие бомбы. Для простоты мы пошли по широкой асфальтовой улице, по которой несколько часов назад ехали «штурмгешютце». В нашем секторе было тихо. Обстрелянные солдаты знали, что дозоры с обеих сторон смотрят на передний край, наострив уши, насторожив все чувства. Если бы они заметили что-то подозрительное, они сразу же подняли бы тревогу. Ошибка вызвала бы ужасные последствия и привела бы к смерти и их, и их товарищей. Из-за малой дистанции до неприятеля – 30–50 метров от дома – требовалась двойная бдительность. Крик «Стой, кто идет? Пароль!» служил доказательством того. После того как мы повторили пароль, часовой позволил нам подойти. Ничего серьезного без нас не произошло.

Штаб 1-го корпуса 6-й армии: 20.30 24 сентября 1942 г.

Расположение сил противника:

Устье Царицы: 92-я стрелковая бригада, недавно под-

тверждена идентификация 111-й стрелковой бригады.

***К северу от устья Царицы:** боевые группы из разбитых частей 10-й дивизии НКВД, 244-й стрелковой дивизии, 115-го укрепрайона, 42-й стрелковой бригады, в дополнение к городской гражданской обороне из примерно 80 человек, набранных из рабочих и коммунистов.*

От здания слышался легкий лязг. Прибыл Михель со своей полевой кухней, и отделения получали горячую пищу и сухие пайки, чтобы продержаться до следующего подвоза. Если бы прибыла почта, ее бы тоже раздали.

Шпис увидел меня, подошел и негромко отрапортовал. Я поблагодарил его и протянул руку:

– Ну, Михель, как дела, в обозе все в порядке?

– Так точно, герр лейтенант. Мы рады, что вы вернулись в роту.

– Я тоже. Жаль, что в роте осталось так мало стариков. Сейчас они быгодились.

– Унтер-офицер Павеллек уже приготовил паек для герра лейтенанта.

– Хорошо, но я лучше съем свой суп на кухне.

Три старых, проверенных лица ухмыльнулись мне, не отвлекаясь от работы. Они поняли мой дружеский шлепок по плечу. Я как будто не уходил. Ячменная похлебка со свеклой была вкусной, как никогда. Колбасы на добавку в этот раз не нашлось. Но какую бы еду мы ни получали от двух поваров –

один мясник, другой пекарь, – они всегда выдумывали что-нибудь вкусное.

Я повернулся к Михелю и сказал ему, что после окончания раздачи он должен прийти ко мне на КП.

На командном пункте я увидел своего друга Вайнгертнера, а также Павеллека и Неметца. Ули доложил, что на передовой все в порядке. Было тихо. Я обернулся к Павеллеку:

– Юшко, мне здесь нужны лейтенант Фукс и фельдфебель Гроссман, а также обер-фельдфебель Якобс. – Потом я повернулся обратно к Ули и рассказал ему о смене командиров и что мне не нравится состояние здоровья майора. Появился гауптфельдфебель Михель и доложил, что он с кухонной командой уходит.

– Очень хорошо, Михель, по дороге сбереги своих людей и нашу «гуляш-пушку». Ты знаешь, где примерно мы будем завтра. Если нам повезет – наверное, уже на Волге, если нет – где-нибудь между здесь и там. Ну, берегите себя.

Михель бодро отдал честь и исчез. Фельдфебель Гроссман пришел вскоре после обер-фельдфебеля Якобса, за ним пришел и лейтенант Фукс.

Штаб LI армейского корпуса: 22.30 24 сентября 1942 г.
Неприятельский плацдарм по обоим берегам Царицы в южной части очищен от противника, за исключением западного берега Волги и нескольких участков самой Царицы...

В частности:

94-я ПД успешно очистила сектор города к югу от устья Царицы до жилого района на берегу Волги и изгиба Царицы, обращенного на северо-восток. Противник все еще удерживает оставшийся берег большими силами.

В тяжелых боях 71-я ПД 24.9. вышла на следующую линию: мост через Царицу 35а1 – овальная площадь – улица к северо-востоку – южный край театральной площади – Театр (исключительно) – северный край площади партийных зданий – берег Волги 4бс2. Противник упорно сражается за каждый дом. По показаниям пленных, группы сопротивления возглавляются опытными командирами и комиссарами. Раз за разом обнаруживается активное участие населения. Из-за ожесточенности боев пленные берутся редко. Потери противника очень высоки...

Потери на 24.9.:

94-я ПД: убитых – 1 оф., 19 уоф. и рядовых;
раненых – 54 уоф. и рядовых.

71-я ПД: убитых – 1 оф., 18 уоф. и рядовых;
раненых – 2 оф., 52 уоф. и рядовых.

Трофеев и пленных на 24.9.:

398 пленных, 2 уничтоженных танка, 25 пулеметов, 2 противотанковые пушки, 11 противотанковых ружей, 14 минометов, 85 автоматов, сбито 3 самолета.

– Ну, господа, начнем наше совещание: вы, как и я, знаете, как сегодня обстояли дела. В моей роте два легкораненых

и один тяжелый. Легкораненые остаются в роте. Каковы ваши потери, герр Фукс? Ни одного? Превосходно! Перед тем как мы обсудим планы на завтра, хотел бы передать привет от нашего командира. Я был в батальоне. Герр майор доктор Циммерман заболел желтухой, его сегодня сменит майор профессор доктор Вайгерт. Герр Вайнгертнер и я знаем доктора Вайгерта с Кенигсбрюка. Когда формировалась дивизия, лейтенант Вайнгертнер даже был командиром взвода в 14-й роте у гауптмана Вайгерта. Думаю, нам повезло. Кто знает, как бы новый командир сошелся с нами и с войсками.

Ули счастливо сказал:

– «Папа Вайгерт» о нас позаботится. Он чудесный малый!

– А теперь – о завтрашнем дне: два штурмовых орудия, скорее всего, к нам вернутся. Их нам заказал еще и полк. Кроме того, завтра нас будут поддерживать артиллерия и 13-я рота со своими тяжелыми гаубицами. Теперь у нас будет больше огневой мощи, и нас не бросят, как сегодня в полдень. Когда я разговаривал с командиром «штурмгешютце», лейтенантом Хемпелем, он сказал – если он будет, то не раньше 09.00. Для нас это означает, что до того мы не сможем начать. Когда рассветет, нам придется тщательно осмотреть местность с развалинами, и пусть их обстреливает наше тяжелое оружие. Когда придут штурмовые орудия, моя рота идет в бой с ними. Гроссман, ты идешь со вторым орудием и двумя отделениями справа и слева от улицы, я веду остальных тоже по обе стороны улицы, с первым орудием, которым командует лейтенант Хемпель. Вы, герр Фукс, идете следом со своей ротой, где-нибудь справа-сзади. Смотря по реакции противника, вы будете знать, что делать, и сможете прикрыть мою роту огнем справа. Ули, следи за ситуацией и развернись за обеими ротами как резерв. Мы с тобой свяжемся, если ты будешь нужен. И держите связь. Якобс, ты действуешь своими пулеметами и минометами, чтобы не дать противнику поднять голову. Все узнаваемые цели должны уни-

чтожаться как можно быстрее. От слов к делу, господа! Мы должны быть чертовски внимательны, и, возможно, нам придется вести бой вкруговую, раз мы не знаем, где в этом хаосе прячется «Иван». Вопросы? Нет! Тогда до завтра, надеюсь, ночь будет спокойной. Гроссман, на минутку.

Три моих товарища покинули командный пункт.

– Гроссман, когда придут два «штурмгешютце», ты остаешься со второй пушкой. Мы оба должны оставаться в пределах слышимости от командиров и – если нужно – перекричать шум двигателя, чтобы сообщать о препятствиях. И скажи солдатам, чтобы держались подальше от машин! Их будет тянуть туда, как магнитом, потому что инстинктивно кажется, что за ними можно спрятаться. На самом деле все наоборот: машины легко замечаются противником. Их легкое оружие бесполезно против брони, но все, кто снаружи, окажутся легкой мишенью. Наше главное предназначение – оберегать орудия от неожиданностей и дать командам чувство безопасности. Если мы не можем общаться с командирами языком жестов, тогда будем стрелять сигнальной ракетой в сторону цели. Ты договорился с соседом слева?

– Так точно, герр лейтенант!

– Еще что-нибудь?

– Нет, герр лейтенант, все ясно.

– Тогда спокойной ночи.

– Спасибо, герр лейтенант!

Я посмотрел на часы: до полуночи еще полчаса.

– Павеллек!

– Герр лейтенант?

– Я немного посплю. Проверь, правильно ли установлены часовые снаружи – и, если что, буди меня.

– Так точно, герр лейтенант. Доброй ночи.

– Спасибо.

На полу командного пункта – это был угол коридора на первом этаже крыла здания, которое мы штурмовали днем – я разбросал щебень, положил под голову планшет, а вместо одеяла расстелил «цельтбан» (камуфляжную накидку. – *Прим. пер.*). Шлем был наготове рядом с головой, автомат лежал сбоку. Пока я пытался вспомнить, не забыл ли я чего-нибудь, усталость взяла верх.

25 сентября 1942 г.

Штаб LI АК: 06.20 25 сентября 1942 г.

Ночью многочисленные авиационные налеты в городском секторе Сталинграда и в тылу...

Я рывком проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Меня разбудил командир группы управления. Секунду я вспоминал, где я, потом пришел в себя. Я посмотрел на часы – было 06.15 25 сентября. Я потянулся и зевнул.

– Герр лейтенант спал, как бревно.

– Ты прав, Юшко. Устал как собака. Что нового?

– Ничего, герр лейтенант, иначе мы бы не дали вам столько спать.

– Принеси воды умыться.

– Сейчас, герр лейтенант.

Я вышел наружу и облегчился. Было еще темно. По всей линии фронта лишь в нескольких местах раздавался шум боя. На небе не было ни облачка, день снова обещал быть жарким и солнечным. Я вернулся в развалины. Ах, как хороша была холодная вода! Ее хватило лишь на небольшое умывание, но холодная жидкость оказала свое живительное воздействие.

Наш шпис отправил к нам ездового полевой кухни с двумя канистрами горячего кофе. Теперь у каждого была возможность попить горячего с сухим пайком, и мы смогли наполнить фляжки. Только в такие моменты понимаешь, как важно иметь «ротной матерью» ответственного человека.

Появился батальонный связной Марек.

– Герр лейтенант, сообщение из батальона. Герр майор Вайгерт принял командование. Задача – дойти до Волги – остается в силе. Штурмовые пушки на подходе. Наблюдатели от артиллерии будут развернуты в вашем секторе, и герр майор желает герру лейтенанту и вашим людям всего наилучшего.

– Спасибо, Марек. Сообщи герру майору, что на передовой все в порядке и атака начнется, как только придут «штурмгешютце».

– Так точно, герр лейтенант. И да, я почти забыл: лейтенанта Вайнгертнера сменил новый офицер. Он прибыл прошлой ночью с герром майором Вайгертом; его зовут гауптман Функе. Я должен доставить его к лейтенанту Вайнгертнеру, показать ему все и возвратиться с лейтенантом Вайнгертнером в батальонный штаб.

– Прибыли ли еще офицеры?

– Нет, герр лейтенант.

– Тогда доложи герру майору, что мы будем рады служить под его командованием и что на передовой все в порядке. Я сообщу командирам 6-й и 8-й рот, что гауптман Функе принял командование 5-й ротой.

Марек убежал.

Итак, наш батальон было решено усилить одним-единственным офицером. А когда придет пополнение унтер-офицеров и рядовых? Мы не могли продолжать атаковать с таким малочисленным боевым составом. Вчера нам повезло. Но что принесет сегодняшней день? Что за положение? Я не был против того, чтобы моего друга Ули отозвали в штаб и что гауптман Функе примет его должность. Ули был не младше нашего командира, но, по крайней мере, он знал, с чем мы столкнулись на фронте.

Офицер не мог заменить отчаянно нужного обстрелянного бойца на передовой. Надеюсь, кто-то наверху заметит этот факт и попытается поправить дело.

До того как рассвело, я вызвал к себе командиров 6-й

и 8-й рот, а также фельдфебеля Гроссмана. Я сообщил им о смене командования батальона, а также о смене лейтенанта Вайнгертнера гауптманом Функе, с которым мы скоро познакомимся. Лейтенант Фукс был в соприкосновении с левым флангом III батальона гауптмана Риттнера, моя рота – с правым флангом разведбата-171.

– Господа, самое важное сегодня – то, что обе вчерашние самоходные пушки придут нас поддержать. Кроме того, в нашем секторе будут работать наблюдатели от артиллерии, как сообщил со связным герр майор Вайгерт. Желая всего наилучшего. До свидания.

Мои товарищи отправились обратно в свои части. Теперь нужно было ждать, пока не появится лейтенант Хемпель и две его пушки. Ожидание сильно испытывает нервы на прочность. Я и не заметил, как вокруг все залил яркий солнечный свет. С тремя солдатами из группы управления я из укрытия осмотрел местность перед нами. Для лучшего обзора Павеллек и я забрались по лестнице – полностью заваленной обломками – на второй этаж. Через бинокли мы просмотрели дома напротив, ища признаки присутствия неприятеля. Они, наверное, хорошо замаскировались; мы ничего не увидели. Одно было ясно: мы не могли двигаться так же в лоб, как вчера. Первым делом, перед нами были лишь большие здания или развалины – отдельные деревянные дома сгорели; во-вторых, «Иван» был уже предупрежден вчера, и, в-третьих – нам нужно было со всей осторожностью двигаться от

здания к зданию, чтобы не попасть в засаду. Тем временем стрелки часов медленно доползли до 09.00. Скоро должен появиться лейтенант Хемпель. Солнце красным кругом висело над Волгой. День во всех смыслах будет жарким. Артиллерия с обеих сторон добрый час играла свою музыку. Сначала был слышен выстрел, потом свист снаряда где-то высоко над головой, а потом где-то далеко впереди или позади раздавался взрыв. Мы слишком хорошо узнавали эти звуки боя. Поскольку они не задевали нас, мы не беспокоились зря. Тяжелые минометы, с характерным хлопком выстрела, были гораздо хуже. Или снаряды «ратш-бума», когда неизвестно, что ты слышишь раньше – выстрел или разрыв.

Я услышал сзади лязг гусениц. Слава богу! Это, наверное, лейтенант Хемпель. Мы осторожно спустились. С лестницы я увидел оба штурмовых орудия, огибающих угол дома. Пару секунд спустя они встали за моим командным пунктом. Лейтенант Хемпель и вахмистр (чин в артиллерии, соответствующий фельдфебелю. – *Прим. пер.*), командир второй машины, вылезли наружу. Хемпель улыбнулся мне:

– Ну, мы смогли, герр Холль. Я доложил командиру, как хорошо мы вчера взаимодействовали и что сегодня вы снова в нас отчаянно нуждаетесь. Так что ему было просто отправить нас сюда, раз уж мы получили приказ от армейского корпуса помочь вашей дивизии.

– Значит, мои настойчивые запросы командиру батальона достигли цели. А теперь – к делу. У вас есть карта или мы

можем обойтись без нее и просто дать вам факты?

– Думаю, последнее будет лучше. Вам нужно дойти до берега Волги. Ваш правый край ограничен Царицей. Левый край – асфальтовая улица. Мы направлены для взятия района между ними. Когда улица раздвоится или появится перекресток, вторая пушка повернет вправо. Важно, чтобы солдаты, прикрывающие пушку, оставались с машиной, к которой они приданы, – либо с правой, либо с левой стороны улицы.

– Ясно. Я уже подробно обсудил это с командиром взвода, фельдфебелем Гроссманом.

Фельдфебель Гроссман слышал наш разговор, потому что ушел со своего поста сразу же, как заметил штурмовые орудия.

– Гроссман, бери отделения Роттера и Ковальски. Я возьму отделение Дитнера и группу управления. И держи дистанцию со «штурмгешютце», но все время оставайся в визуальном контакте с командиром. Когда мы можем выступить, герр Хемпель?

– Мы готовы.

– Хорошо, тогда готовность десять минут. Мы пойдем сообщим солдатам. Гроссман, ты знаешь расклад. Я пойду за первым орудием, ты идешь за вторым. Наши соседи справа и слева идут так же. 8-я рота обер-фельдфебеля Якобса и 5-я рота тоже знают, что им делать. Всего наилучшего, Гросс-

ман!

Он кивнул и ушел к своим.

– Юшко, приведи группу Диттнера, но осторожно, мы не хотим, чтобы «Иван» знал.

– Так точно, герр лейтенант!

Оба командира забрались обратно в люки, моторы мягко урчали на холостом ходу.

Пришел обер-ефрейтор Диттнер со своим отделением. Я приказал ему все время двигаться примерно параллельно «штурмгешютце» на левой стороне улицы. Я с группой управления собирался держаться правой стороны. Десять минут истекли. Короткий сигнал согласия между лейтенантом Хемпелем и мной – и к вою моторов добавился лязг гусениц. Начался еще один день боев. Когда орудие Хемпеля развернулось в сторону асфальтовой дороги, группа Диттнера рванулась к левой стороне улицы, за ней последовал и я, используя подвернувшиеся укрытия. Я оставался с группой управления на правой стороне улицы. В первом квартале, лежащем за многоэтажным домом, не было никакого движения. «Штурмгешютце» осторожно подъехал ближе. Слева Диттнер пробирался вперед со своим отделением. Мы двигались очень осторожно, потому что не знали, где противник. Сосредоточенным броском на 30 метров мы достигли первого дома, проверили его и попытались найти противника. Ничего.

Хемпель осторожно подъехал к дому. Второе орудие вы-

шло вперед и развернулось направо на боковой улице позади нас. Фельдфебель Гроссман и оба отделения следовали справа и слева. По моей команде оба отделения бросились вбок и прочесали переднюю сторону здания. Мы замерли на пару мгновений, пока наши товарищи разворачивались влево на параллельной улице. Я видел, как отделение бежало назад на другую сторону улицы. Отлично, ребята! Потом снова двинулось наше орудие. Поскольку оба командира могли переговариваться по радио, случайностям не было места. За зданием шла другая боковая улица. Мы подкрадывались к перекрестку, прочесывая кварталы справа и слева, ожидая опасности с любой стороны. Выстрел из пушки справа, где был фельдфебель Гроссман, показал, что противник, наконец, появился. Был слышен пулеметный и ружейный огонь, продолжаясь дальше вправо. Рота Фукса тоже вошла в контакт с противником. Рядом с нами ничего пока не происходило. Однако когда мы вышли на перекресток, то попали под пулеметный огонь. Поток пуль поразил «штурмгешютце». Тщательно нацеленный ответный удар заткнул пулемет. Мы залегли. Теперь мы попали под ружейный и минометный обстрел из развалин соседнего дома. По попаданиям на стороне неприятеля я увидел, что обер-фельдфебель Якобс и его люди открыли ответный огонь. Криком поверх работающего мотора цели, которые были мне прекрасно видны и создавали для нас проблему, были переданы лейтенанту Хемпелю. Я оставался рядом с орудием, не забывая о собствен-

ной безопасности. Со временем противник вернулся к жизни по всему сектору. Неожиданно открыла огонь артиллерия с обеих сторон. Заварилась такая каша, что было трудно понять, с какой стороны прилетал гостинец, но хаос боя не заставил нас забыть о своем деле. Гнезда противника в секторе нашей атаки уничтожались один за другим. Из-за наших двух пушек мы неожиданно оказались на острие атаки. Правый и левый соседи отстали. Возможно, поэтому мы неожиданно оказались под фланкирующим огнем винтовок и пулеметов из соседнего сектора. Легкораненые поспешили назад, на перевязочный пункт, открытый на моем последнем командном пункте. Два тяжелораненых получили первую помощь и при первой возможности отправлены в тыл.

Я полностью охрип от криков лейтенанту Хемпелю об обнаруженных целях. Когда я пытался говорить нормально, не выходило ничего, кроме карканья.

Лейтенант Хемпель крикнул мне, что оба орудия должны отойти в тыл: у них кончались боеприпасы. Им нужно перегруппироваться и заправиться, а потом, через час, они вернуться.

Я посмотрел на часы. Было 14.10. Куда девалось время?

Я приказал оставаться в укрытиях и ждать возвращения орудий. Теперь у меня было время составить письменное донесение командиру батальона. Неметц доставит его на КП батальона. Группа Диттнера окружила нескольких русских, прячущихся в подвале взятого нами здания. Они не оказа-

ли сопротивления нашим солдатам и мгновенно сдались. Их привели ко мне. Им было от 20 до 40 лет. Через Павеллека я спросил двух солдат помоложе, откуда они. Они ответили: «Мы из польской Украины недалеко от Лемберга».

С помощью Павеллека я спросил, не прячутся ли в развалинах другие их товарищи. Они ответили утвердительно и добавили, что некоторые из них больше не хотят воевать. Я дал пленным закурить. Они были удивлены и счастливы. Они видели, что мы такие же, как они. Что им наговорила о нас советская пропаганда!

Я повернулся к двум молодым украинцам и спросил, готовы ли они без оружия вернуться к своим товарищам и убедить их сдаться. Я также предложил им остаться с нами и продолжать воевать.

Они посоветовались и, после короткого обсуждения, согласились. Они подчеркнули, что вернутся, несмотря ни на что. Мне хотелось проверить, верны ли мои предположения. Если они вернутся с другими, не желающими воевать, это облегчит нам работу. Если я ошибся, тогда ущерб от потери двух пленных будет невелик. В тот момент казалось, что вся линия фронта взяла передышку. Огонь пехоты был беспорядочен, тут и там разрывались снаряды. Солнце сияло, не обращая ни на что внимания. Чтобы осмотреться вправо и влево, я пополз вдоль стены к углу дома. Я осторожно заглянул за угол и увидел, как дальше шла улица и какие препятствия нас там ждали. Я мгновенно убрал голову, а затем выглянул

снова. Нет, мне не казалось. Не более чем в трех метрах от меня я видел человеческую голову. Голову, и ничего более! Остального тела не было, и его нигде не было видно.

Если бы мы в тот момент атаковали, я удостоил бы ее милостивого взгляда. Но теперь, пока мы ждали возвращения «штурмгешютце», у меня было время подумать о ней. Голова была чисто отделена от тела. Но где оно? Я невольно подумал о Саломее, которая приказала принести ей на блюде голову Иоанна Крестителя.

Улица незаметно спускалась к Волге. Мы еще не могли увидеть реку, потому что взгляд упирался в дома и руины. Противника тоже не было видно. Я вернулся к группе управления. Вернулись ли украинцы? Пятеро оставшихся пленных сгруппировались в углу у входа. Их охранял один солдат. Когда вернется лейтенант Хемпель с орудиями, я прикажу отвести их в тыл. И тут из-за груд щебня слева от нас выскочили оба украинца. Я не мог поверить глазам: с ними было – выходя один за другим из проема между кучами – один, два, девять, тринадцать, двадцать два человека! Господи, я не мог поверить глазам! Они оба ухмылялись и явно гордились успехом. Унтер-офицер Павеллек обменялся с ними несколькими словами и сказал: «С них хватит!»

– Спроси их, есть ли у них тяжелое оружие.

Они ответили отрицательно. Только винтовки и несколько пулеметов. Артиллерия стреляет с другого берега Волги, и тяжелые минометы врыты вдоль берега по эту сторону ре-

ки.

Расспросив их, я узнал, что их боевой состав в моем секторе – лишь 100–150 человек. С ними лейтенант и младший лейтенант, а также несколько сержантов и ефрейторов. Штаб с офицерами более высокого ранга и комиссаром расположен на берегу Волги.

Пленные были немногословны и подозрительны. Я передал им через Павеллека, что им нечего бояться, что с ними будут обращаться, как положено, и отведут их в тыл. Два человека из группы Диттнера получили приказ доставить пленных на КП батальона и немедленно вернуться в отделение.

Я отвел обоих украинцев в сторону и попросил Павеллека передать им: «Лейтенант хочет узнать, не хотите ли вы остаться с нами. Вам не нужно будет воевать. Но когда у нас будут раненые, вы им поможете и вынесете их. Вас будут кормить так же, как нас, и будут хорошо относиться».

Они обсудили предложение и спросили: «А что потом?»

«Лейтенант даст вам документ, гласящий, что вы помогали раненым немцам и что с вами нужно хорошо обращаться».

Еще одна короткая дискуссия, и Павеллек перевел: «Мы согласны. Но мы ни при каких обстоятельствах не будем брать оружия в руки».

– Скажи им, что я этого и не жду. Спроси, как их зовут.

Маленького, плотного и темноглазого звали Петр, худого

и более высокого звали Павел.

Я сказал Юшко позаботиться о них.

Где же штурмовые пушки? Час давно прошел. А, я их слышу! Сосед также слышал лязг гусениц и знал, что бой скоро продолжится.

Когда машины прибыли на позиции, из люка высунулась голова командира. Тем временем второе оружие поехало вправо, к фельдфебелю Гроссману.

– Все заняло чуть больше времени, но теперь можно начинать. Что-нибудь произошло за это время? – спросил командир первого орудия.

Я вкратце доложил ему о том, что произошло за последний час. Я также доложил о своих наблюдениях за продолжением улицы, а также то, что сказали пленные о численности противника. Лейтенант Хемпель сказал:

– Второе орудие докладывает, что все готово.

– Тогда вперед!

Мотор был запущен, гусеницы шевельнулись, тяжелый колосс – без которого нам было бы очень трудно – начал движение. Мы подождали, пока машина Хемпеля повернет на улицу, идущую к Волге. Потом, как и раньше, мы пошли за ней, растянувшись справа и слева. Нас приветствовал ружейный огонь. Теперь противнику было во что стрелять. Хемпель остановил машину, потому что заметил, что мы отстаем. Мои люди на обеих сторонах улицы вели ответный огонь по целям, которые видели. Включились даже тяжелые мино-

меты и крупнокалиберные пулеметы 8-й роты. Мы не могли двигаться дальше, потому что противник стрелял со всех сторон. По нас стреляли с верхних этажей, справа, затем слева перед нами. Откровенные мир и тишина, царившие парой мгновений раньше, превратились в свою полную противоположность.

Противник не упустил случая. Неожиданно сзади появились тяжело дышащие солдаты. Рядом со мной плюхнулся гауптман и сказал, задыхаясь:

– Функе, я командую 5-й ротой, и мне в батальоне приказали вас поддержать.

По его манерам я понял, что боевого опыта у него нет или почти нет. Я ответил:

– Холль, командир седьмой.

– Знаю. Почему мы не наступаем? Мы должны идти со «штурмгешютцами» и продолжать атаку!

Что я мог сказать этому человеку в этой ситуации, в присутствии рядовых, некоторые из которых были совсем рядом?

Этот человек был гауптманом, а я – лейтенант.

– Герр гауптман, нужно идти на некотором расстоянии от оружия. Если вы этого не сделаете, вы труп.

Этот идиот не собирался слушать моих советов: он командовал отделению из 5-й роты следовать за ним, и в следующий момент кучка из 8–10 его людей сгрудилась за штурмовой пушкой. Противник немедленно сосредоточил огонь

на этой цели. Мы ответили более мощным огнем со своей стороны в попытке уничтожить проявившего себя противника. Полного успеха мы не добились. Один солдат уже лежал на земле. Другой закричал; держась за плечо, он побежал к нам. Тут схватил пулю и гауптман: он схватился за правое бедро и согнулся от боли. Два солдата сгребли его, и все отделение побежало обратно, стараясь бежать как можно быстрее. Весь кошмар занял всего несколько минут. Я был в ярости. Этот «герой», до сего дня не бывший ни единого момента на передовой, пытался доказать свою храбрость. Результат – один убитый, один тяжелораненый, два раненных средне и он сам с простреленным бедром. Этот кретин лучше бы оставался дома, или куда он теперь попадет.

После недолгого молчания я припечатал его: «Видите, что вы наделали! Но вы не хотели принимать советов от простого лейтенанта!»

Он был пристыжен и подавленно сказал: «Вы правы, следовало к вам прислушаться».

Я отвернулся. Гауптман, которого поддерживали с обеих сторон, ухромал в тыл. Его гастроль с солдатами не продолжалась и дня. В любом случае я точно опишу все это в рапорте командиру. В бою мы лучше обойдемся без таких эрзац-командиров. В подобных уличных боях отсутствие боевого опыта было равносильно смертному приговору.

Тем временем моя рота продвигалась вперед. Пушки тоже. Если мы сможем взять соседний квартал, мы увидим

Волгу. С удовлетворением я увидел, что левый сосед продвинулся почти столько же, сколько и мы. Мой обзор вправо, где был фельдфебель Гроссман, был ограничен домами и обломками. Там тоже шел ожесточенный бой.

Я снова подобрался к штурмовому орудю. Оно стреляло – как и вчера – только по опознанным целям, с которыми можно было эффективно справляться выпущенным снарядом. Мы приканчивали то, что оставалось.

Мы дошли до следующего перекрестка. Хемпель послал снаряд в сторону боковой улицы слева, где он заметил передвижение противника. Его товарищ на втором орудии двигался справа. В спринтерском забеге через улицу мои люди дошли до домов на другой стороне. Теперь оба орудия были в самой гуще боя. Нужна была хорошая выдержка, чтобы оставаться хладнокровным и не выпускать общей картины боя. Мы благодарили товарищей, которые проламывали путь всем, что у них было, из обоих стволов. Они понимали ситуацию и использовали ее. Они знали, что «Иван» нервничает. Он оттягивался – медленно, продолжая огневое сопротивление. Даже артиллерия противника, чьи снаряды время от времени рвались в секторе боя, не могли оттянуть неизбежного. Поскольку у них не было точных сведений о нашем расположении, большая часть разрывов ложилась слишком близко или слишком далеко. Когда мы, метр за метром, прошли вперед и вышли в центр большого квартала, лейтенант Хемпель просигналил мне, что у него кончились боеприпа-

сы и сегодня он уже не вернется. Он не мог сказать, будет ли он здесь завтра. Я поднял руку над головой в знак благодарности. Наши доблестные союзники скрылись из виду.

Мы не могли на этом остановиться, нужно было дойти до угла квартала, пока русские не заметили изменения ситуации. Пока мы пробивались еще на несколько метров под прикрытием тяжелого оружия, с правого фланга прорвался связной. Рухнув ничком, он тем не менее оказался достаточно близко, чтобы прокричать: «Герр лейтенант, фельдфебель Гроссман убит, командование принял унтер-офицер Роттер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.